

Когда открыли ворота двора, увидели, как Гу Мо, держа на руках Цзинхэ, лежал без сознания у входа. Гу Мо горел от жара, а тело Цзинхэ уже было холодным.

Все суетились, подняли их и внесли внутрь, отправив Цзиньчуна за лучшим врачом в уезде — доктором Цинь, а Цзинцю — в лавку гробовщика за гробом.

Когда доктор Цинь прибыл, выяснилось, что Гу Мо с Цзинхэ посреди ночи уже обращались к нему за помощью. Но к тому моменту яд уже проник во все органы Цзинхэ, и никакие лекарства не могли помочь. Смерть мальчика была неизбежна, но взрослый ещё мог выжить. Однако обследование выявило, что у Гу Мо в утробе был ребёнок, ещё совсем маленький. Но прошлой ночью, когда Гу Мо нёс ребёнка, перелезая через стены и ища врача, случилось неизбежное...

Теперь ясно, что ребёнка уже не спасти, да и с самим Гу Мо всё не так просто.

Вдруг раздался звонкий звук. Это госпожа Ань ударила Юэ'э по лицу. Юэ'э, не говоря ни слова, тут же упала на колени, заливаясь горькими слезами, которые звучали даже громче, чем плач Цзинцю, стоявшего у постели Гу Мо.

Ту-эр подхватила с боку:

— Госпожа, господин Гу потерял ребёнка из-за усталости и горя, а старший брат Цзинхэ умер от отравления ядовитыми грибами. Это никак не связано с нашей госпожой! Вы же помните, вчера мы все ели вместе! Еда была совершенно нормальной!

Госпожа Ань, чьё здоровье было подорвано ещё во время ссылки и которая последние годы держалась только на лекарствах, услышав эту ужасную новость, пришла в ярость и, указывая на голову Юэ'э, заикаясь произнесла:

— Ты, ты, ты...

Не закончив фразу, она потеряла сознание.

Снова началась суматоха. Доктор Цинь прописал госпоже Ань лекарство, Нинъюй пошёл купить его, а Сюаньнян взялась за приготовление отвара, после чего все занялись уходом за госпожой Ань и Гу Мо.

Только Ань Шаохуа оставался безучастным. Пока все суетились вокруг, он молча поднял Цзинхэ на руки. Вспомнив, как утром сам ударил его по лицу, он осторожно приподнял голову Цзинхэ, внимательно осмотрев волосы, чтобы убедиться, что не осталось следов. Ничего, никаких следов.

Ань Шаохуа прижал Цзинхэ к груди. Холодное, окоченевшее тело. От Цзинхэ исходил запах, который не принадлежал ему. Ань Шаохуа слышал, что это называется «запахом смерти». Живые, почувяв его, могут... что с ними случится?

«Какая разница!»

Крепко обняв Цзинхэ, Ань Шаохуа несколько раз попытался встать, прежде чем ему удалось подняться, шатаясь. Этот маленький обжора был невероятно тяжёлым, ну да, не зря он съел двенадцать палочек масляного теста!

Ань Шаохуа поднял Цзинхэ, чтобы отнести в дом, но Юэ'э остановила его.

— Кузен!

Юэ'э, казалось, хотела что-то сказать, но выражение лица Ань Шаохуа было настолько пугающим, что она не смогла вымолвить ни слова.

Ту-эр с той стороны тоже проговорила:

— Господин, сейчас не время для споров! Молодой господин ещё юн, он не был женат. Боюсь... боюсь, мы не успеем отправить его в родовую гробницу. Давайте лучше найдём гробовщика, чтобы подготовить его к погребению.

С этими словами Ту-эр встала на колени перед Ань Шаохуа.

Ань Шаохуа опустил взгляд на эту пару — хозяйку и служанку, но не произнёс ни слова. Обойдя их, он отнёс Цзинхэ в свою комнату. Закрыв дверь, он в одиночестве, спокойно и тщательно вымыл, переодел и подготовил Цзинхэ к погребению. Не позволив никому помочь, даже Цзинцю, который хотел подойти, он молча отстранил его.

Госпожа Ань очнулась вечером, но не могла говорить и двигаться, только смотрела в окно, плача. Лишь увидев Юэ'э, её взгляд стал похож на отравленный нож.

Когда пришёл доктор Цинь, он лишь сказал, что сделал всё возможное, и написал рецепт, а также список рекомендаций по питанию и режиму дня.

Цзинцю, увидев доктора, снова повёл его в комнату Гу Мо. Гу Мо всё ещё горел в лихорадке, его лицо было красным, выражение страдальческим, а зубы стиснуты. Доктор снова проверил пульс и сказал, что первым делом нужно сбить температуру. Если лихорадка продолжится, даже если он очнётся, человек будет беспомощным.

Внезапная трагедия обрушилась на дом, и все заботы легли на плечи Ань Шаохуа. Он изо всех сил старался держаться, суетясь внутри и снаружи, заставляя себя ни о чём не думать, не останавливаясь ни на минуту.

В уезде У существовал обычай: если ребёнок умирал после двенадцати лет, его нужно было обручить с мёртвым. Это было последнее важное дело в жизни Цзинхэ, и Ань Шаохуа твёрдо решил, что даже если придётся потратить больше денег и искать в разных местах, он найдёт девушку подходящего возраста, из хорошей семьи, с приятной внешностью и безупречной репутацией. Так он... так он сможет женить сына!

Старый дом Ань тоже должен жениться! Ань Шаохуа тоже сможет однажды стать тем, кто сидит на почётном месте на свадьбе!

Ха-ха-ха... Какая радость!

Седой человек провожает чёрные волосы — нет более горького горя в этом мире. По обычаю, родители не могут стоять у гроба своего ребёнка. Но Ань Шаохуа не мог уснуть. Он сидел у гроба, но слёзы не текли. Внутри была пустота и боль.

Ночь была холодной, но не такой, как прошлой ночью. Неизвестно, как Гу Мо, держа на руках Цзинхэ, смог добраться до врача в ту холодную ночь. Неизвестно, волновался ли он, когда стучал в дверь больницы. Неизвестно, был ли доктор Цинь осторожен в своих словах, когда говорил о состоянии Цзинхэ. Неизвестно, остывало ли тёплое тело Цзинхэ в объятиях Гу Мо...

Сам Гу Мо был беременен, но всё же нёс этого тяжёлого маленького обжору через пол-уезда. Этот маленький обжора действительно мог есть. Мальчишка!

Небо постепенно светлело, ветра не было, и небо было окрашено в невероятно красивый красный цвет. Холод. Ань Шаохуа пошевелил онемевшими руками и ногами, вздохнул... он всё ещё жив. Невероятно, он всё ещё жив! Жить — это хорошо! Жить, чтобы найти невесту для сына!

В утреннем тумане уезда У высокая худая фигура шла с гордо поднятой головой, но её шаги были полны печали.

Гу Мо всё ещё был без сознания, и в доме было много женщин, которым неудобно было ухаживать за ним. Поэтому Цзинцю продолжал заботиться о нём.

К счастью, на следующий вечер, хотя лихорадка не спала, он очнулся. Цзинцю побежал к Ань Шаохуа. В то время Ань Шаохуа, Юэ'э и Сюаньнян были рядом с госпожой Ань, разговаривая с ней.

Цзинцю вошёл, сначала поклонился госпоже Ань, спросил о её здоровье, сказал пару слов о своей преданности, а потом обратился к Ань Шаохуа:

— Отец, папа очнулся, он спрашивает, нашёл ли ты то письмо?

Ань Шаохуа не ответил, сразу же встал и пошёл к Гу Мо, но когда он пришёл, тот снова спал.

Ночью Ань Шаохуа всё ещё не мог уснуть. Накинув плащ, он стоял у гроба Цзинхэ, молча. Никто не знал, о чём думал Ань Шаохуа в те ночи, проведённые у гроба сына. Он сам не знал. Казалось, он не спал ни одной ночи, но при этом ничего не обдумывал.

Через несколько дней люди заметили, что Ань Шаохуа почти перестал говорить. В его памяти те дни были короткими и хаотичными. Осталось лишь белое, туманное пятно. Почти как пустота отчаяния.

Ань Шаохуа помнил, что это было на третий день после смерти Цзинхэ.

В то время уважаемый монах читал молитвы за упокой души Цзинхэ. Внезапно Цзиньчунь, спотыкаясь, подбежал к нему и сказал, что Цзинцю упал в реку. Ань Шаохуа тут же повёл людей к реке, но когда они прибыли, Цзинцю уже спасли. Ань Шаохуа послал за доктором Цинь, а сам понёс Цзинцю домой.

У ворот дома Ань Шаохуа встретил доктора Цинь, который как раз собирался уходить.

Схватив доктора, он попросил его осмотреть Цзинцю. Доктор сказал, что всё в порядке, но посоветовал Ань Шаохуа быть сильным. Только тогда Ань Шаохуа услышал громкий плач из главного зала и узнал, что мать, услышав о происшествии с Цзинцю, не выдержала и последовала за Цзинхэ.

Ань Шаохуа почувствовал, как перед глазами потемнело, и всё пропало.

Когда он очнулся, рядом с ним была Юэ'э. Юэ'э сказала, что Сюаньнян и Нинъюй заботятся о Цзинцю. Также она добавила, что использовала большую часть семейных сбережений, чтобы заказать хороший гроб для матери, и пригласила монаха читать молитвы.

Ань Шаохуа всё ещё не говорил с Юэ'э. Как только у него появилось немного сил, он пошёл стоять у гроба матери.

Той ночью, с лихорадкой, он стоял на коленях у гроба матери, слушая, как Юэ'э говорила, что она сама займётся обручением Цзинхэ, пообещав найти ему красивую невесту. Он посмотрел на Юэ'э, но как будто никогда не знал её. Через некоторое время Ань Шаохуа произнёс:

— Цзинхэ и Цзинцю... всё-таки старшие братья Цзиньчуня.

Юэ'э и Цзиньчунь несколько дней были в разъездах, но в душе Ань Шаохуа не было покоя. Казалось, что-то готово было вырваться наружу.

Через пару дней они действительно нашли в соседнем уезде семью, чья дочь умерла в четырнадцать лет и была похоронена два с половиной года назад. Юэ'э вернулась и обсудила это с Ань Шаохуа, а на следующее утро она вместе с Цзиньчуном и Ту-эр отправилась в соседний уезд.

<http://bllate.org/book/16674/1529214>